

Салон красоты на главной улице,
Спуррингтон, Северо-Запад Англии

Глава первая

Алиса

Понедельник, 21 октября

Я уже не могу видеть этот выпуск «ХЕЛЛО!». Ну сколько, скажите, раз можно разглядывать левую подмышку Бруклина Бекхэма? Правда, больше читать все равно нечего. Есть только «Вог» со склеенным соплями содержанием да «Космо» с Шарлиз Терон на обложке. К нему я даже прикасаться не хочу. После «Белоснежки» я ее боюсь. Не могу избавиться от ощущения, что она вот-вот выпрыгнет со страницы и укусит меня.

Поскольку читать нечего, искоса поглядываю на спешащего через комнату таракана с пучком чьих-то остриженных волос на спине. Мои собственные волосы все еще свисают мне на уши. Я не могу ждать еще один день. Если через пять минут никто не появится, просто пойду домой и сама покрашу их над ванной.

А тут еще Эмили все время хнычет. Я попыталась засунуть ей в рот палец, однако это не помогает — она хочет есть. Но я не буду ее тут кормить.

Как вы это себе представляете: сидит дама, ведет светскую беседу с совершенно незнакомыми людьми и вдруг достает у всех на виду свою титьку? Вот как другие женщины это делают? И как в это время поступают незнакомые люди? Стараются *не смотреть*? Между прочим, титьки — это мое третье самое интимное место после ступней и вульвы. Я бы наверняка посмотрела. Мельком, но все же посмотрела бы.

Через целых пятнадцать с половиной минут из-за занавески из бисера шаркающей походкой появляется какая-то толстуха. Ее огромные, как у хоббита, ступни втиснуты в зеленоватые шлепки, а обе руки снизу доверху покрыты татуировками: на правой — Том Хиддл-кто-то в образе Тора, а на левой — тот же Тор в виде Криса Хем-как-его-там.

— Привет, я Стефи. А вы Мэри? — В ее глазах ни тени улыбки.

— Да. Мэри Брокеншайр.

На Стефи застиранная футболка с Гриффиндором, а ее розовато-серые волосы зачесаны на одну сторону и полностью выбриты с другой.

— Проходите, пожалуйста, сюда...

Стефи проводит меня через завешенную бисером грязноватую арку и ведет по блестящим черным плиткам пола к раковинам. Не доходя до них, мы сворачиваем к боковому креслу с висящим перед ним зеркалом. Она усаживает меня, кладет мне на плечи свои горячие руки и начинает обычную, но ненужную в данном случае болтовню

о моих предпочтениях: она уже и так все знает, потому что на прошлой неделе я приходила к ней на пробу.

— Так, значит, черный. Вам предлагали чай или кофе?

— Нет. — Я не люблю ни чай, ни кофе. Предпочитаю сок, но они не держат сок, только какую-то бурду, при одном виде которой мне кажется, что мои зубы начинают гнить. И даже я знаю, что молока от них тоже не дождешься, но, чтобы соблюсти приличия, говорю: — Пожалуй, чай. Спасибо.

Стефи исчезает и вскоре возвращается с накидкой, но без чая. Пока я достаю Эмили из коляски и усаживаю ее в детское кресло-качалку, она стоит рядом, надеясь увидеть что-нибудь интересное. Да, конечно, люди любят смотреть на младенцев. Я усаживаю Эмили и задергиваю занавеску. Мне не нравится, когда ее разглядывают слишком пристально. Кстати, и меня тоже. Просто так, на всякий случай.

Стефи оборачивает накидкой мое тело, оставляя открытой только голову. Раньше я любила набрасывать на себя накидку. Или большое полотенце. Ничто нельзя сравнить с тем чувством полета, когда бежишь после горячей ванны по коридору, завернутый в большое полотенце, а его края развеваются сзади как крылья. Мы с моей кузиной Фой так всегда и поступали. Или, может быть, это было только один раз?

— Как вы управляетесь с малышкой? — спрашивает Стефи.

— Ничего, спасибо. Она у нас пятая, так что мы привыкли к постоянной усталости. Да вы, конечно, и сами знаете!

— О да! — Ее лицо озаряет улыбка. — У нас четверо, и это просто сплошной хаос. Но нам это нравится. Нам нравится этот хаос!

Мы улыбаемся друг другу счастливой улыбкой родителей, и она начинает намазывать мои волосы краской.

— Что вы собираетесь делать сегодня вечером? — Судя по голосу, она задает этот вопрос уже в десятитысячный раз. В ее лишенных интонации словах не слышится ни малейшего намека на интерес, но я отвечаю все равно:

— Еще не знаю. Поброжу по магазинам. Потом заберу детей. Я все еще в декрете, так что мне не надо все время укладываться в график, как во время работы.

— А чем вы занимаетесь?

— Я врач. Терапевт.

— Понимаю. А где все они сейчас? У друзей?

— Мои дети? — спрашиваю я, захваченная врасплох. — Они все в школе.

— Разве сейчас не каникулы?

— Они учатся в частной школе. У них каникулы были на прошлой неделе.

— Да? — спрашивает она с кислой миной на лице. — Все четверо в частной школе?

— Угу, — гордо отвечаю я, покачивая кресло-качалку. — Папочка просто души в них не чает. Но я уже сказала ему, что пяти нам вполне хватит.

В январе мне сделают операцию. Если его не остановить, он наплодит целую футбольную команду.

— Ага, я думаю, что и мой тоже!

— Сегодня годовщина нашей свадьбы, поэтому вечером придут мои родители, чтобы посидеть с ними, пока мы ходим в ресторан.

— О-о-о! А куда вы пойдете? В какое-нибудь уютное местечко?

Что за дурацкий вопрос! *Нет, мы пойдём в однозвездочную дыру, где повар подтирает задницу салатом.*

— В «Китайский сад». Знаете, там, где с потолка свисает золотой дракон. Хочу сделать ему сюрприз.

— И чем же занимается ваш благоверный?

При этих словах я невольно вспыхиваю. Как бы мне хотелось иметь хотя бы парня!

— Он персональный тренер.

— Как мило! Вот бы мой повел меня куда-нибудь. Вы знаете, с тех самых пор, как родилась Ливи, мы так нигде и не были, а в следующем месяце у нее уже первое причастие.

— Правда?

— Угу. Но мы все равно не можем себе этого позволить. Рика уволили из аэропорта.

— Вот черт, — говорю я с угрюмым видом, которого она от меня ожидает. — А кем он...

— Он работал грузчиком багажа. Отдал им целых двадцать лет. Выходил на работу даже в выходные, и когда они бастовали. А еще он поймал террориста.

— О господи! — Тот же таракан теперь трусцой бежит вдоль плинтуса. Я делаю вид, что поперхнулась. Стефи спрашивает, не дать ли мне воды, и, наконец вспомнив, что не принесла мне обещанный чай, суетливо убегает проверить «Куда это он там запропастился», будто чай мог в это время вести с кем-то светскую беседу.

В конце концов она приносит мне чай и два печенья с кремовой начинкой, у одного из которых обломан край. Я разнимаю печенье и соскребаю зубами крем, а потом начинаю медленно жевать половинки, пока они не растворяются у меня во рту. Только проглотив печенье я замечаю, что Стефи все это время пристально смотрит на меня. Щеки мои покрываются румянцем.

Но тут, на мое счастье, в сумке блякает телефон, и я начинаю перебирать ее содержимое, якобы пытаюсь отыскать его.

— Думаю, это папочка потерял своих девочек.

— А-ах, — вздыхает Стефи, и глаза у нее затуманиваются.

Это, конечно же, никакой не папочка, а мейл с «Ибей», извещающий меня о распродаже канцелярских товаров по случаю окончания семестра.

— Он? — вопрошает Стефи, проводя расческой по намазанным краской волосам.

— Ага. Спрашивает, не надо ли чего принести.

— Какой заботливый!

Я протягиваю ей свой айфон, чтобы продемонстрировать его фото. Она берет его у меня и прищуривается:

— Ну, блин! Какой красавчик!

Не составляет особого труда догадаться, о чем она думает: и как это я смогла подцепить такого парня?

— Мне очень повезло, — говорю я. Она возвращает мне мобильник, и я снова надежно укрываю его в глубине моей сумки. — Мы влюбились друг в друга еще в детстве.

— Так значит, вы рано начали. То-то я смотрю, что вы слишком молоды для пятерых.

— Я родила первого в четырнадцать.

— Ну, блин!

— Потом родились близнецы, а за ними Гарри. Из-за моей учебы нам пришлось нелегко, но мы справились. А потом на свет появилось вот это маленькое чудо.

— А я, вот не поверите, встретила своего Рика во время девичника.

Заметьте, я не спрашивала ее об этом, да и вообще мне это совершенно не интересно, но делаю вид, что все обстоит ровно наоборот, потому что по необъяснимой причине мне хорошо в ее компании: сидят две такие счастливые мамашки и болтают о том о сем.

— Я тоже люблю вечеринки.

— Да, славно мы тогда похулиганили, — смеется она. — А он, между прочим, вел караоке и, когда надо было петь «Раз, два, три, леди», указал на меня. И тут я сразу поняла, что он и есть *тот самый*.

— Тот самый, — улыбаюсь я, глядя на нее в зеркало. — Приятно это сознавать, правда?

— Нет, у нас, конечно, тоже всякое бывает. Вот вчера он подхватил простуду и стал хрипеть прямо как Дарт... ну как его там? А я ему и говорю: «Рик, клянусь мамой, если ты еще будешь так сипеть, я крошу тебя на кусочки». Просто совсем меня довел.

Стоп, думаю я, зачем же ты живешь с человеком, чье дыхание может довести тебя так, что ты готова его убить? Я прямо так и спросила:

— Так что, вы его больше не любите?

— Конечно люблю, — смеется она. — Это я так пошутила. Только хорошо бы он был каким-нибудь нефтяником, или че-нить в таком роде, чтобы хоть иногда его не было дома, понимаете?

Нет, все равно не понимаю, но прежде, чем успеваю задать очередной вопрос, она протягивает мне тот же журнал, который я уже пролистала раз шесть в комнате ожидания, и удаляется. Мне ничего не остается, как снова разглядывать волосатую подмышку Бруклина и читать интервью с матерью Лиамы Пейна о его провале на конкурсе «Британия ищет таланты».

Раньше мы играли в эту «Британию...» в пабе. Обычно это происходило, когда кухня прекращала свою работу, тетя Челле уходила помогать дяде Стью в баре, а парни оставались наверху. Тогда мы прокрадывались вниз и устраивали полночный пир из все еще теплой жареной картошки и обрезков багета, которые макали в подливку от салата. Насытившись, мы по очереди выходили из подсобки, рассказывали перед жюри, состоящим из разложенных на стойке плюшевых игрушек, свои

душещипательные истории, а потом хрипели песни в бутылку из-под уксуса. И жюри неизменно объявляло нас победителями.

Через полчаса Стефи возвращается.

— Ну, пойдете мыть голову. Оставьте ее с Джоди.

Откуда ни возьмись рядом с креслом-качалкой появляется молодая улыбающаяся Джоди с татуировкой в виде луны и звезд на левом плече.

— Привет, я присмотрю за ней.

— Не спускайте с нее глаз, — говорю я.

— Все будет тип-топ. А можно мне ее подержать, если она проснется?

— Нет. Лучше не надо. Просто оставьте ее на месте.

Стефи снова ведет меня по блестящим плиткам пола, на этот раз к раковинам. Мне тоже нужно что-нибудь блестящее. Скоро ноябрь, и надо начинать готовиться к Рождеству. Не успеваю я усесться, как Стефи уже нажимает кнопки и открывает кран. Сажусь, и, господи, что это за странные волны проходят по моей спине от поясницы к плечам? Я невольно подаюсь вперед и тут понимаю, что это кресло-массажер.

— Что, слишком сильно? — спрашивает она.

— Хм-м... Нет. Просто я никогда такое не пробовала.

— Может, выключить?

— Да нет, думаю, что приспособлюсь.

— Вообще-то оно должно помогать расслабиться, — говорит она. — Но некоторым не нравится. Вы мне скажите, если что.

Я усаживаюсь снова, и уже через несколько мгновений эти сексапильные поглаживания доводят меня до такого состояния, что я невольно начинаю постанывать, словно нахожусь на ложе любви. К счастью, фены так гудят, что никто меня не слышит.

— Между прочим, я недавно начала продавать «Эйвон», — доносится откуда-то издалека голос Стефи. — Хотите, принесу вам каталог?

— Хм...

— А еще в субботу я организую у нас дома вечеринку. Вы свободны?

Я ничем не заслужила такое повышенное внимание, кроме того, что она считает меня денежным мешком, раз четверо моих детей ходят в частную школу.

— Не вполне, — отвечаю я в перерывах между стонами. — В субботу мы обычно проводим время вместе.

— Так приводите их всех с собой. Наши дети тоже там будут. Они смогут вместе смотреть диснеевские мультики. А парни обычно отправляются в паб.

— Самое крепкое, что пьет мой Кейден, это кокосовая вода и коктейль из планктона.

— Тогда пусть сидит в другой комнате и смотрит телевизор. Хоть это-то он может? Давайте, будет классно! Угощения не обещаю, но обычно на таких вечеринках все только жуют «Принглс» и пьют просекко, разве нет? Да, не забудьте прихватить бутылочку.

— Я сейчас тоже ничего не пью, потому что кормлю грудью, но звучит многообещающе. Я подумаю.

Не успели еще эти слова сорваться с моих губ, а я уже знаю, что не приду. Даже при одной мысли об этом меня бросает в жар. Я как Ариэль из «Русалочки» — мне так хочется быть вместе со всеми, смеяться, бегать и играть на солнце. Но я живу в другом мире. И я *совершенно* не в состоянии веселиться. Так уж обстоят мои дела.

Я умолкаю, да и Стефи, все-таки сообщив мне свой адрес, тоже ни о чем больше меня не спрашивает. Она энергично массирует мою голову, и я почти впадаю в экстаз. Но когда она переходит к кондиционеру, я уже привыкаю к ощущению, и мне хочется только одного: продолжать чувствовать прикосновение ее пальцев, тепло смывающей шампунь воды и волны массажа, прокатывающиеся по моей спине. Мне хочется остаться в этом коконе навсегда. Я слегка наклоняю голову набок и наблюдаю за тем, как Джоди покачивает кресло-качалку, листая что-то на экране своего мобильного.

Салон постепенно заполняется. Кто-то включил радио, из которого на полную громкость ревет «Деспасито», потому что «под эту музыку мы танцевали во время отпуска». Судя по всему, три девушки из салона вместе ездили в Испанию. Там они, по их словам, провели время в основном «в отключке», но слышать эту мелодию снова доставляет им видимое удовольствие. Вообще-то все они тут представляют собой довольно тесную компанию.

Наталья с прической, как у принцессы Леи, знает слова наизусть и покачивает бедрами в такт. Стефи и Тони шушукаются у меня за спиной, перемыывая косточки своим мужьям. Мег с пучком волос на затылке складывает полотенца и болтает с клиенткой о своем собственном неудавшемся отпуске «ну там, где Мэдди потерялась».

— Представляете, дождь лил почти не переставая, а в воде все время плавало какое-то дерьмо. А потом нас ограбили, и пришлось возвращаться домой.

Вода перестает течь, кресло выключается, и я остро чувствую внезапную перемену. Мою голову оборачивают пахнущим кухней полотенцем и ведут по блестящему полу обратно к креслу — сушить и укладывать. Джоди отправляется варить кофе. Эмили мирно проспала все это время, не нуждаясь в ее помощи.

Мечтательное выражение, не покидавшее лица Стефи при болтовне о детях, полностью испарилось. Теперь она вся при деле — грубо проводит щеткой по волосам, обдавая мою голову жаром из фена, приглаживает и снова взъерошивает мне волосы, укладывая их в каре с пробором посередине. Нежусь еще несколько секунд, пока она закрепляет прическу лаком, прикрывая мои глаза рукой, и не успеваю опомниться, как она уже держит передо мной зеркало. Черное каре. Карие глаза. Рыжины как не бывало. Никто меня теперь не узнает.

— Так хорошо, Мэри?

— Превосходно. Большое спасибо.

— Большое пожалуйста, — Стефи снимает с меня накидку, я перекидываю Эмили обратно в коляску и толкаю ее к кассе. Мне кажется, что Стефи снова хочет спросить меня про вечеринку, но она воздерживается.

Раздается негромкий звон колокольчика, дверь открывается, и в салон один за другим входят трое мужчин. В их движениях нет никакой спешки. Первые двое вытирают ноги о коврик, лежащий у входа, третий вытирает рукавом нос. Мое тело леденеет, и я не могу сдвинуться с места. Мужчины ведут себя шумно и бесцеремонно, громко смеясь и прокуренно кашляя.

Я узнаю этот смех и почти перестаю дышать. Смеется вон тот коротышка с соломенными волосами, нахальной ухмылкой и взглядом стервятника, который выглядит боссом двух других. Да, это они. Точно они.

Думай рационально. Думай логически. Дыши спокойно. Скантс постоянно говорит, что у меня паранойя. Это не могут быть они. Они просто никак не могут здесь оказаться. Дыши глубже. Веди себя нормально. Просто три обычных мужика. Три безобидных клиента.

Стефи протягивает вперед свою пухлую лапу с похожими на сосиски пальцами, унизанными золотыми кольцами.

— Итак, Мэри, с вас тридцать два фунта.

Я ничего не соображаю. Все мое внимание сосредоточено на этой троице — три поросенка, которые пришли разрушить мой дом. Я уже чувствую

запах их лосьона для бритья. Если не ошибаюсь, это «Арамис» и что-то еще. «Линкс» или «Олд спайс». Дышать становится совершенно невозможно.

Коротышка с соломенными волосами в коричневом пальто из верблюжьей шерсти начинает рассказывать какую-то историю про аварию на автостраде. Я не улавливаю сути — мой мозг занят лишь тем, чтобы не наткнуться на углы. А тут еще эта слишком громкая музыка — из радио теперь несется визгливый панк-рок. Брюнет в кожаной куртке, узких джинсах и кроссовках пошел делать селфи с той, которую зовут Натальей, — они что, старые знакомые? А третий — мощный как танк и мускулистый как горилла — продолжает стоять на месте, позволяя двум другим находиться в центре внимания. Да, похоже они все тут приятели. Вот подошла Мег, чтобы сделать селфи с брюнетом для Инстаграма. К ней присоединяются Джоди и Тони. Они ведут себя так, словно общаются с рок-звездами. Но я *знаю* этих мужиков. Я видела их в своих кошмарах. И я узнаю этот смех.

Протягиваю Стефи деньги и прошу положить сдачу в банку для пожертвований. На прилавке стоит коробка со зверушками ручной вязки — львами, тиграми и медведями — с выпученными глазами. Я хочу взять себе одну, но мне надо поскорее уходить.

— Их делает одна наша клиентка, — объясняет Стефи, опуская монеты в банку.

Я знаю, что нельзя задерживаться, но никак не могу решить, какую же зверюшку хочу — льва, тигра или медведя. Кожаная Куртка направляется в сторону кассы. Он будет стоять рядом со мной и может увидеть мое лицо. Прихватываю вязаного льва.

— Спасибо, — говорю я еле слышным шепотом и неловко толкаю коляску в сторону двери.

— Да, так вот эта вечеринка, о которой я говорила... — вдруг бросает мне вдогонку Стефи.

Я никак не могу сейчас говорить с ней, приходится невежливо промолчать. Не успеваю сделать и пары шагов, как Танк обгоняет меня и распахивает передо мной дверь.

Не решаясь поднять глаза, в последнюю секунду все же благодарю его, и наши взгляды на мгновение встречаются. Он хмурится и отворачивается. Что это — смущение или он меня узнал?

— Осторожнее, не споткнитесь, — говорит он низким голосом, и меня снова пронизывает страх. Это бристольский выговор? Вполне может быть. Он произнес только три слова, но я определенно его уловила. На глазах у меня выступают слезы, и я никак не могу их остановить. Надо бежать в квартиру и поскорее закрыть все окна и двери.

— Как они могли здесь оказаться? — бормочу я себе под нос, стараясь перевести дух. Я толкаю коляску все быстрее и быстрее, пока практически не перехожу на бег. Возвращаюсь на главную улицу, а потом выхожу на набережную.

— Шарлотта! Шарлотта! Я оставил тебе немало жареных дырок от бубликов! — кричит мне уличный торговец, когда я прохожусь мимо него.

Делаю вид, что не слышу его, и продолжаю бежать, оглядываясь каждые несколько шагов, чтобы проверить, что за мной никто не гонится. Никого нет. Я одна на всей набережной. Чувствую, как глаза и горло разъедает соленый песок, поднятый дующим с моря ветром, но не останавливаюсь.

Почти всю дорогу до дома я плачу.

Прохожу через калитку, спускаюсь по ступенькам, и вот, наконец, я у себя в квартире. Запираю на все засовы парадную дверь, закрываю выход во двор, задергиваю шторы. Проверяю кошек — все на месте. Достāju Эмили из коляски. Она снова начинает хныкать, но я крепче прижимаю ее к себе, и она успокаивается. Мое дыхание постепенно приходит в норму, и тут я замечаю мигающую лампочку автоответчика и нажимаю клавишу «прослушать».

Тишина.

Потрескивание.

Чье-то дыхание.

Щелчок.

Короткие гудки.

— Кто-то ошибся номером, — говорю я Эмили, но мое сердце снова начинает гулко стучать.

Иду с ней в спальню, опускаю жалюзи, сажусь на скрипучую кровать, которую хозяин квартиры обещает вскоре заменить, и прижимаю Эмили

к себе, положив ее голову на свое плечо. Тишину нарушает лишь гулкий стук у меня в ушах.

Тупо смотрю на висящий посреди пустой стены портрет Фриды Кало, оставленный предыдущим жильцом. Понятия не имею, кто она такая, но хозяин квартиры сказал, что картина называется «Бег времени», а парень, который ее оставил, был художником и умер от передозировки. На портрете Фрида одета в белое платье, над головой у нее летит маленький самолет, а сбоку на полке стоят часы. Ее густые брови пугают меня. Не понимаю, что все это значит. Кажется, я вообще уже ничего не понимаю.